

Дмитрий
Фалеев

Книга про Иваново

(город
incognito)

Письма русского путешественника

Дмитрий Фалеев

**Книга про Иваново
(город incognito)**

«НЛО»

2023

Фалеев Д.

Книга про Иваново (город incognito) / Д. Фалеев — «НЛО»,
2023 — (Письма русского путешественника)

ISBN 978-5-44-482320-2

«Сегодня революционеров не слышать. Все невесты, кто поумнее, стремятся укатить из Иванова в столицу. Текстильные фабрики переоборудованы и превращены в торговые центры. Частный (мелкий и средний) бизнес перебивается правдами и неправдами – с середины на половинку. „Город не best“, – шутят кавээнщики. Газеты пишут: „депрессивный, дотационный регион“, город невезения. А ивановцам наплевать!» Книга Дмитрия Фалеева состоит из очерков, историй и зарисовок, которые складываются в настоящую эпопею, посвященную его родному Иванову. «Город-подполье», как называет его сам автор, оказывается гораздо сложнее и разнообразнее, чем может показаться человеку со стороны: здесь соседствуют цыганские таборы и места встреч андеграундных художников, заповедная природа и «места славы» 1990-х. Фалеев смотрит на Иваново глазами антрополога-исследователя, который от наблюдения за экзотическими сообществами неожиданно для себя самого переходит к изучению родных ландшафтов и открывает их заново. Уделяя особое внимание местной художественной и культурной среде, автор описывает насыщенную историю локальной культуры в сложный переходный период. Как и город, которому она посвящена, эта книга напоминает многосоставный и живой организм, который не сводится к сумме частей, а оказывается больше и сложнее нее. Дмитрий Фалеев – писатель, журналист, лауреат премии «Дебют», автор романа «Формула всего», вышедшего в издательстве «НЛО».

ISBN 978-5-44-482320-2

© Фалеев Д., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИВАНОВО И ВОКРУГ	10
ЦЫГАНСКАЯ ПРАВДА	10
«АХ, ЖАРКИ-ЖАРКИ...»	22
КРАЕВЕД С САЧКОМ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дмитрий Фалеев

Книга про Иваново. (Город incognito)

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Ф19

Дмитрий Фалеев

Книга про Иваново (Город incognito) / Дмитрий Фалеев. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – (Серия «Письма русского путешественника»).

«Сегодня революционеров не слышать. Все невесты, кто поумнее, стремятся укатить из Иваново в столицу. Текстильные фабрики переоборудованы и превращены в торговые центры. Частный (мелкий и средний) бизнес перебивается правдами и неправдами – с середины на половинку. „Город не best“, – шутят кавээнщики. Газеты пишут: „депрессивный, дотационный регион“, город невезения. А ивановцам наплевать!» Книга Дмитрия Фалеева состоит из очерков, историй и зарисовок, которые складываются в настоящую эпопею, посвященную его родному Иванову. «Город-подполье», как называет его сам автор, оказывается гораздо сложнее и разнообразнее, чем может показаться человеку со стороны: здесь соседствуют цыганские таборы и места встреч андеграундных художников, заповедная природа и «места славы» 1990-х. Фалеев смотрит на Иваново глазами антрополога-исследователя, который от наблюдения за экзотическими сообществами неожиданно для себя самого переходит к изучению родных ландшафтов и открывает их заново. Уделяя особое внимание местной художественной и культурной среде, автор описывает насыщенную историю локальной культуры в сложный переходный период. Как и город, которому она посвящена, эта книга напоминает многосоставный и живой организм, который не сводится к сумме частей, а оказывается больше и сложнее нее. Дмитрий Фалеев – писатель, журналист, лауреат премии «Дебют», автор романа «Формула всего», вышедшего в издательстве «НЛО».

В оформлении обложки использовано фото автора.

ISBN 978-5-4448-2320-2

© Фалеев Д., 2023

© Васильков Ю., дизайн серии, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

1

На карте России много городов.

Иваново – только один из них, но он – мой, потому что я в нем родился, вырос и живу.

Джунгли Таиланда, горные массивы Алтая или Карпат, вулканы Камчатки, экзотика жизни цыганских таборов – все это было увлекательной сказкой странствий в иные, прежде недоступные мне миры, из которых вдвойне приятно было как раз возвращаться обратно: на площадь Пушкина, Лебедева-Кумача, в Козье болото.

И что удивительно – город, который я покидал, чаще всего был мрачный и угрюмый, серый, безжизненный, неласковый к жителям и неброский для гостей, однако, вернувшись, я искренне радовался, проезжая по знакомым улицам и перекресткам (Лежневская, Рабфаковская...).

Иваново больше не казалось тюрьмой, которая душит в своих застенках.

Наоборот – оно становилось трамплином, полем для деятельности, неизбежными топями, в которых Лернейская гидра ждет-пождет своего Геракла.

2

Допустим, что есть некий человек, который впервые посещает Иваново.

Допустим, он едет к нам на поезде.

Миновав здание вокзала, он выходит на площадь и в центре ее видит монумент-обелиск валькирии, глаза которой устремлены на добычу.

Кажется, еще чуть-чуть, и в небе послышится безжалостный хищный клекот.

Голова как отрублена – она возвышается на одинокой колонне, без рук, без ног, даже в бюсте ей отказано, и каменная прическа развеивается в одну сторону, а шейный платок, похожий то ли на кренящийся плавник акулы, то ли на зазубренный обломок крыла, – в другую.

Это не авангардная, нонконформистская скульптура, которыми так любит пугать воображение и здравый смысл contemporary art, а официальный памятник советской эпохи, поставленный в память об Ольге Генкиной.

В 1905 году эта девушка-террористка (раньше писали «народная заступница») привезла в Иваново оружие для идейных соратников, но была обнаружена и с молчаливого допущения полиции растерзана на площади разъяренными черносотенцами. Говорят, ее разорвали на куски.

Партийные, коммунистические чиновники, видимо, хотели поставить памятник пламенной революционерке, а получилась горгона Медуза.

И как же к месту она пришлась! В Иваново водится нечистая сила. Строго говоря, она везде водится, но в нашем городе ее голос слышнее, поступь свободней – до вкрадчивой игривости, до прояснения.

Шельмоватое место!

Еще древние славяне делили мир на явь и навь (наважденческую, неясную сторону природы). В греческих мифах существовали целые архипелаги так называемой «мертвой жизни», пограничные области и уделы бытия «по ту сторону меты». Там, на скалистых утесах-островах, окруженных со всех сторон непроглядной морской пучиной, обитали странные, демонические создания – грайи, сирены, опальные музы.

Из Иванова дотуда рукой подать.

Но это я вам говорю по секрету. Лучше не суйтесь – останетесь без рук.

3

А что про Иваново знают не-ивановцы?

«Город невест», «текстильный край».

Люди старшего поколения наверняка вспомнят, что «Иваново – родина первого Совета рабочих депутатов», который возник сначала подпольно, а в мае 1905 года сумел организовать и возглавить широкомасштабную (около 60 тысяч участников) стачку ткачей, направленную против царской власти. Считается, что наш город, наравне с Москвой и Петербургом, – колыбель отечественного, пролетарского большевизма.

Сегодня революционеров не слышать. Все невесты, кто поумнее, стремятся укатить из Иванова в столицу. Текстильные фабрики переоборудованы и превращены в торговые центры. Частный (мелкий и средний) бизнес перебивается правдами и неправдами – с середины на половинку. «Город не best», – шутят кавээнщики. Газеты пишут: «депрессивный, дотационный регион», город невезения.

А ивановцам наплевать! «Мы все равно будем жить по-своему – нам хоть кол на голове теши», – говорят они упрямо, как раскольники-староверы, выбирающие дремучие окраины и дебри в пику передовым проектам цивилизации.

Город-подполье. Здесь все не на виду, «под первым слоем земли», как выразился мой товарищ Павел Гусев.

Хочешь – нальют, присоединяйся, садись, а если не нравится – никто тебя не держит.

На белом свете дорожек много.

4

Эта книга задумывалась как сборник статей, различных по темам и сюжетам, однако в процессе работы над замыслом они постепенно срастались между собой, как пестрые лоскуты в единое одеяло, и в итоге образ Иванова (моего личного, индивидуального Иванова) получился достоверным, универсальным, общим, близким к тому, каким его нарисовали обстоятельства: время и место.

Город-инкогнито приподнял свою маску, вышел из сумрака – ведь сами ивановцы порой не знают своего добра¹.

Традиции журналистики уверяют нас, что статьи могут быть про политику и экономику, культуру и спорт, медицину и образование, но в конечном счете все они – про людей.

Человек стоит в основе события. Он может звучать гордо, может звучать кротко, соло или в хоре, но именно он создает новость, дает материал к репортажу, фельетону, аналитике, публицистике.

Забывая о нем, мы часто забываем, для чего вообще все это было придумано, существует и развивается: торговля, промышленность, искусство, церковь, теорема Пифагора или дважды два четыре.

Не надо только воспринимать все слишком буквально. Любая загадка существует для того, чтобы оставаться прежде всего загадкой – не всегда обязательно, чтоб ее отгадали. Мистика и очевидность бредут рука об руку, и одно не может существовать без другого.

Но мыслям неплохо задать направление – все-таки у компаса должен быть север.

---

¹ Почему-то вспоминается былинное описание богатырского коня: «Под ним добрый конь – будто лютый зверь».

Или не должен?

Сравнивая Иваново с соседними областными центрами и думая о сходстве и различии между ними, я однажды подметил, что только вокруг Иванова осело сразу несколько цыганских таборов: мустафони, немцони, тошони, чучони. Во Владимире, Ярославле, Костроме или Нижнем Новгороде такого не встретишь. Видимо, есть что-то созвучное в духе ивановцев и цыган – раз мы их не прогнали, а они здесь уцепились.

Что же у нас общего? Не только то, что последние двадцать лет мы слепо верим исключительно в удачу и в то, «как карта ляжет», – о будущем не думаем. По сути своей, ивановцы – такие же хитрые и беззаботные, как цыгане, наглые и наивные, понятливые и бесцеремонные, жадные и душевные, предприимчивые и безалаберные.

У цыган нет родины, и в Иванове нет центра, нет своего исторического Кремля – сердце города спрятано. Для архитектурной застройки нашей средней полосы это нетипично, и город у нас нетипичный. Он возник сам собою, словно бы из хаоса и как будто изначально не желая складываться во что-нибудь цельное, и все же он сложился, но свое настоящее лицо и характер, так же как и уличная цыганская гадалка, покажет только своим.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИВАНОВО И ВОКРУГ

ЦЫГАНСКАЯ ПРАВДА

Все цыгане – разные.

Именно с этой фразы надо начинать любую статью об этом народе. Ведь сказать «цыгане» – это все равно что сказать «славяне». Нам почему-то не приходит в голову путать русских и украинцев, белорусов и сербов, болгар и чехов, а цыган путают – потому что не знают, верят домыслам и мифам, возводят напраслину: то хвалят не за дело, то ругают по чем зря.

Цыганский народ на самом деле многонациональный и крайне неоднородный. У нас в Иваново живут котляры, вlahи, крымцы, ловари, русская рома. У каждого из этих народов своя история, фольклор, обычаи, трудовая специализация, диалект. Нельзя их смешивать, потому что то, что будет верно и правильно про одних, про других будет выдумка, ложь и клевета.

Поговорим о жизни цыган-котляров из табора в Авдотьино.

1

Дворняжки лают с таким энтузиазмом, как будто загрызут, но кусать не собираются, хвосты калачиками – добро пожаловать!

Молодая цыганка в синей косынке рубит дрова, другая тащит доски. На меня они глядят исподлобья, хмуро – ведь я для них чужой, белый человек, а житейский опыт научил их тому, что с белыми людьми в табор обычно приходят неприятности, дурные известия или последствия конфликтов на стороне. У цыганок нет и мысли, что белый («гаже») может появиться у них с добрыми намерениями. Они подозревают во мне либо милиционера, либо афериста, либо – в лучшем случае – сектанта-проповедника, который будет рассказывать про Бога, пока цыганам не надоест слушать и проповедника не погонят.

Табор явно трущобный. Дома кривые, похожи на советские дачные домики, но только с самодельными кирпичными печками – в них живут круглый год. Они просели, прогнили, и дым из трубы – лохматый, как собака.

Коренастый цыган, на один глаз кривой (но из этого глаза сверкает зрачок каким-то узким и острым блеском), широкоплечий, вообще он похож на первобытного человека, переодетого в современную одежду. Слово «порядочность» менее всего подходит к его наружности, но он тертый калач и знает, что иногда порядочным быть выгодно. Такое мнение, возможно не лестное для английского лорда, но не худшее для цыгана, я составил о Джонике несколько позже, когда мы познакомились.

Он копается в машине, марку которой определить затруднительно. Она выглядит так, как будто ее разорвал пополам Кинг-Конг.

Другой автомобиль марки «металлолом», дожидаясь своей очереди, валяется рядом – на нем Кинг-Конг играл, как на гармошке!

Джоник выкусывает плоскогубцами медь, добыча потянет рублей на триста – уже кое-что, на бутылку хватит.

Приплюснутым глазом с черным зрачком Джоник опять упирается в меня. Мое инкогнито не дает ему покоя.

Джоник – местный барон, ему близко к пятидесяти, язык подвешен и ум проворный. Он обещает мне рассказать «все двадцать четыре цыганские хитрости», кроме тех самых, которые действительно стоит скрывать.

В авдотыинском таборе намешано, как в пицце: чучони, тошони, крестевециони – все это котляры, принадлежащие к разным кланам. Видимо, хотели создать собственный клан с отдельным названием, но единства не сложилось.

Половина табора с другой не разговаривает – все переобиженные, потому что к одним приехал под Новый год родственник откуда-то, на него напали по пьяной лавочке ребята из другой половины табора и крепко избили, им в свою очередь сейчас же напуддали в отместку за родственника, а те в ответ «поступили некрасиво – обратились в милицию», и она приезжала и разбиралась.

Это действительно совсем не по-цыгански – путать милицию во внутритаборные разборки. Такими делами, по цыганскому закону, в сущности, должна заниматься сходка (цыганский суд), но, видимо, этот исконный механизм потерял эффективность и уходит в легенды, люди разучились договариваться друг с другом. Им теперь проще вызвать посторонних, органы правопорядка, чем самим решить дело. Значит, нет больше табора, нету общины, а есть соседи, семнадцать хозяйств (по количеству домов), объединенные лишь местом проживания и национальностью, а не сознанием собственной цельности, кулака, коллектива. Не табор, а сборище.

Как старые нитки, которые не рвутся, а буквально исчезают в местах напряжения, традиция истлела и уже не держит. Даже старые цыганки, воспитанные «по закону», в этом таборе лентяят и не плетут амболдинари – характерные косы котлярских женщин, закрученные на висках и висающие «как сосиски». Это видимый знак изживания уклада, которого котляры придерживались как минимум лет триста–четыреста.

Прощает бедность и – от тяжелых условий – маргинальная угрюмость, скандалы и склоки. Нет ни газа, ни воды, а колодец далеко, в русской части Авдотына. Свет отключили за долги прошлой осенью, и теперь электричество – от генератора (один на весь табор). В целях экономии цыгане подключают его только вечером, когда стемнеет, а днем ни воды невозможно вскипятить в электрическом чайнике, ни телевизор посмотреть – одни неудобства.

И даже земля, которая под ногами, цыганам не принадлежит – их могут выселить в любую минуту, но так уж повелось, что они тут давно и никто их не гонит (где надо – подмаслили), а выкупить землю в частную собственность у табора нет денег.

Я зашел в один дом и чуть не грохнулся башкой об печь, поскользнувшись на линолеуме, – настолько покатым и вогнутым был пол. Обстановка невзрачная, без украшений, и хозяйка одета как бедная падчерица: ни бус, ни сережек, – потому что все ценности заложены в ломбарде у автовокзала; там самовары и утварь, и золото семейное тоже туда уже все перетекло.

Один дядька торгует мне перину за пять тысяч – хочет, чтобы я сам приобрел или нашел ему клиента, – но сноха протестует, закусил губу, потому что знает: он все деньги пропьет, а у нее ребенок, и проку от продажи перины не будет – хоть за пять тысяч, хоть за пятнадцать! И вот, значит, свекор заявляет: «Продается!» А сноха: «Не продается!» Свекруха с ней согласна – она уже пургой метет против мужа, поднимая типичный цыганский хай. «Нет у нас перины! Он пропил перину!» – уверяет она меня. Муж бормочет в седые усы, но ему не перегнуть двух упершихся женщин. Они будут бодаться, скандалить, отстаивать, а раньше цыганки и слова не могли сказать поперек мужчине, не то что спорить – их бы за это кнутом избили. Но ситуация изменилась, и в этой семье свекор не добытчик, он – на содержании, и даже его беззубая, глупая и некрасивая жена зарабатывает больше (она гадает и попрошайничает на улицах города).

Вообще тоскливо от этой бедности и неблагополучия, и аккордеон у толстяка Славы звучит невесело. А чего ему радоваться? Цыган ходом дорожит, а он хода не видит. Слава – неухоженный цыганский недотепа, диабетчик, пьяница, к тому же и лентяй – в свои пятьдесят не знает, чем заняться и кому быть нужным. У него есть жена, и живут они вместе с

семьей младшего сына – вроде есть о ком заботиться и ради кого стараться (ну хоть дом подлатать!), но Слава не старается: обрюзг, поглупел, идет по наклонной – «душа косолапая»! Его толстые пальцы с трудом перебирают клавиши аккордеона, не успевая за торопящейся молдавской мелодией, и та заикается, заваливается и буксует, как автомобиль на разбитой дороге. Когда Слава играет, то часто плачет – музыка берedit в его сердце нотки, которые обычно подавленно молчат, и если он выпьет на каком-нибудь празднике, обязательно затянет любимую песню – про «душу косолапую», свой коронный номер.

В таборе над Славой привычно подтрунивают, а мне его жалко. В советское время он отсидел за воровство («Его в тюрьме пытали», – смеется Джоник), спекулировал алкоголем. Потом я как-то видел – он работал кондуктором на одном из маршрутов, следующих в Авдотьино. За рулем тоже был кто-то из котляров.

Гудит бензопила – цыгане режут тополь, потому что зима и дров нужно много. Валият и пилят, разумеется, втихую – никаких санкций на добычу леса у них не имеется.

Основной вид заработка – чермет, цветмет, сезонные строительные работы по дачам, при случае – воровство. Украсть и не попасться, обмануть и удрать – это для многих вершина карьеры, искусный пируэт, а не зазорное занятие.

Целый отряд из цыганских женщин торчит на остановке в ожидании автобуса – поехали гадать, но у них никто не верит, что они способны предсказывать судьбу или видеть будущее («Чешут, обманывают», – комментируют мужчины). Никакого ясновидения.

Еще одна картина: мальчишка неграмотный, но машину уже водит – едва достает ногами до педалей, но паркует задним ходом и не боится врезаться. За рулем он уверенный и все уже умеет. Для него эти навыки важнее, чем чтение, приоритетнее, чем пятерка по истории, географии или физике. Другие ровесники – точно такие же. Но работать не хотят. Помогать родителям у них уже немодно (а раньше помогали, как-то это воспитывалось – непроизвольно), моднее отлынивать, и пока их не попросишь, не заставишь, не прикрикнешь – не пошевелятся.

Лошадей нигде не видно. Цыгане из Авдотьино давно попрощались с лошадиной темой – у них автомобили, мобильные телефоны, дивиди-проигрыватели, никаких признаков, что табор по-прежнему уходит в небо. Он похож на птицу с подбитыми крыльями и ощипанными перьями, которая летает уже только на словах.

Артур рассуждает:

– «Табор уходит в небо» – это выражение, оно означает, что табор свободен. Мы же не как русские. Мы признаем русские законы, у нас русские паспорта, мы граждане России, но у нас немножко свой есть закон. Мы его соблюдаем, как соблюдали наши предки. Мы не можем изменить своим законам по российским законам! У нас девочка вырастает – двенадцать, тринадцать лет, мы ее выдаем замуж, мы не можем поступить по российскому закону, если у нас свой закон. У нас кара идет сверху!

Котляры набожны, но еще сильнее небесной кары они боятся осуждения соплеменников, боятся, что люди скажут: «Ты живешь не по-цыгански – значит, ты не цыган, уходи из табора!»

Браки у котляров, по нашим меркам, действительно ранние. Невесту жениху выбирают родители. «Ни одна цыганка не вышла замуж по любви», – говорят в таборах. Тут принцип другой: стерпится-слюбится. У такого подхода есть свои основания.

– Вот у вас, у русских, – я извиняюсь, конечно, за свои слова, – у вас тринадцать-четырнадцать лет все идут на дискотеку, – продолжает Артур, – а у нас – запрещено. После дискотеки парень делает что-то неправильное, ну пьет или колется, а у нас мы пресекаем. И у нас женят человека в тринадцать-пятнадцать лет, чтобы у него ребенок появился. Чтобы он сам заботился о своей семье и чтобы он не гулял по левой.

В прежнее время самоуправство родителей в этом вопросе было крайне велико, а сейчас обычай превращается в ритуал, отец считается с мнением сына, сын может упереться и свадьбы не будет, а раньше согласие сына не требовалось.

2. История табора

Цыгане-котляры – выходцы из стран Восточной Европы, в Россию прикочевали в конце девятнадцатого века. В Румынии их называли кэлдэрары, что значит лудильщики – по роду занятий. Они, как правило, работали с металлом – паяли, лудили (мужская часть населения). А женщины гадали.

Предки котляров из табора в Авдотьино жили на территории современной Молдавии. Поэтому на вопрос «Какие вы цыгане?» у них отвечают: «Мы – молдаване, молдавские цыгане».

По словам Джоника, его дед и бабка (из рода чучони) «пели в шантанах». До революции семнадцатого года они переезжали из города в город в запряженных лошадьми кибитках и выступали в провинциальных ресторанах. Вся жизнь их, по сути, была сплошная гастроль, вся семья – артисты. Джоник рассказывает: «Знаешь, монетки у цыганок в волосах, – откуда они были? От русских купцов! Долларов не было, и вместо валюты купцы давали золото».

Для нации котляров такой вид заработка был нехарактерен (и даже исключителен!), потому что котляры традиционно занимались железом, это были работяги, потомственные ремесленники, профи в своем деле и к певцам да танцорам относились несерьезно, даже свысока.

Рабочие артели цыган-котляров кочевали по Молдавии, царской России, а потом и по Советскому Союзу вплоть до рубежа 1970–1980-х годов, когда почти повсюду на производстве произошла реформа оборудования и на смену деталям, нуждающимся в ремонте или реставрации, пришла нержавейка.

Так что про «шантаны» слышать крайне удивительно. Может, Джоник мне насвистел? Цыгане врут, как дышат. Однако исследования этнографа Николая Бессонова свидетельствуют о том, что все может быть. В личной переписке он комментирует:

1. Нашел снимки с котлярской музыкальной группой, состоящей из Деметеров, которые умотали после революции во Францию через Польшу. Профессиональный коллектив.

2. Существуют снимки котлярской самодеятельности тридцатых годов. То есть самые что ни на есть таборные котлярки выступали-таки на сцене. На этом фоне вполне возможны котлярские выступления в дореволюционных кабаках.

Теперь про монетки.

В принципе, ценились золотые талеры с Францем-Иосифом и американские 20-долларовые монеты. За большой диаметр. В России таких крупных золотых монет просто не было. Царские золотые рубли были небольшими и годились разве что на то, чтобы нашивать на край косынки. А вот серебряные монеты большого диаметра были. Они могли подшиваться к ленте, которую вплетали в косу.

Все цыганские рассказы нужно перепроверять, как шулерскую колоду!

Что же было дальше?

После революции табор чучони продолжил кочевать как ни в чем не бывало. Постреволюционная неразбериха и анархия нисколько не смутила кочевой народ, привыкший к переменам, а смена правительства и государственного строя их не заботила – цыгане вообще аполитичны по духу. Они сами с усами и везде могли ужиться, найти лазейку, свободную нишу, где их бы предоставили самим себе и оставили в покое.

Но цыганский темперамент никуда не спрячешь.

Артист – профессия как будто бы мирная, однако у чучони подход к воспитанию был чисто спартанский: если ты мальчик, должен быть боец, не имеешь права на слабость, должен заботиться о семье и охранять свой табор. Отцы сознательно воспитывали в сыновьях воинственный дух, отголоски которого сохранились по сей день (в 1990-х годах мужчин из клана чучони среди других цыган стали звать «чеченцами» – они были дерзкие, решительные и отчаянные, котлярские десперадос).

К чему я веду – прошла эпоха нэпа, шантаны закрылись, а сталинский режим стал потихоньку закручивать гайки. Вольный дух не приветствовался, и любое отклонение от линии партии считалось неправильным. В 1930-х годах затеяли коллективизацию. В табор чучони приехали чекисты с приказом сдать лошадей в колхоз. Котляры – по своему невежеству, свое нравую, вспыльчивости – расценили эти действия как банальный грабеж, вспыхнула драка, и из-за нее с десятков мужчин и молодых парней – танцоров и музыкантов – отправились на срок (похожие истории – о том, как их деды не желали отдавать лошадей без боя и как их за это строго наказали, – вспоминают во многих цыганских общинах).

Ансамбль развалился, но чучони не растерялись и вернулись к традиционным для котляров занятиям: «паяли-лудили – котлы, чайники; на мясокомбинатах – фермы делали, крючки делали».

Во время Великой Отечественной войны чучони были в тылу, ни о каком патриотизме или самоотверженности с их стороны речь не идет. Правда, ходят рассказы о некоем Грофо Лебедеве, который единственный из всего табора служил, добрался до Берлина и вернулся оттуда с полной планкой орденов. Говорят, он был разведчик, приводил «языков», но документально – ни фотографиями, ни уцелевшими наградами, ни другими свидетельствами – эта история не подтверждена. В одинаковой степени она может оказаться и цыганской байкой, и действительным фактом.

Живых свидетелей военного времени в таборе не осталось. Юрка говорит, что деда у него во время войны сослали в лагерь за то, что он подделывал хлебные карточки. Ему за деда не стыдно. Вообще в этом таборе людей не интересует ни прошлое, ни будущее – это для них вещи такие же пустые и незначительные, как облака.

После войны табор чучони много переезжал. Наконец обосновались в поселке Лесное Ивановской области. У них в то время еще были лошади, но жили уже не в палатках, а строили дома – дощатые времянки наподобие тех, в которых обитают и по сей день.

Усатый цыган с татуировкой на бицепсе «Нет счастья без любви» говорит о том времени: «Мы делали кормушки, корыта для совхозов. Я пошел работать с четырнадцати лет, занимался трелевкой – обрабатывали лес. Вот у нас была лошадь – привязывали к ней дерево такое большое, его мы вывозили, грузили, штабелями складывали. С кубометра нам платили по рубль восемьдесят. Собирали по пять, по десять кубов в день».

Женщины гадали. Те, кто постарше, на всю жизнь запомнили момент, когда из Иванова в Лесное стал ходить автобус. «Мы начали ездить гадать на автобусе! – вспоминают они с радостью. – А до этого мы до города пешком ходили – с матерями, с бабушками – далеко, тяжело. Мужики все работали».

Из Лесного котляров погнала администрация, потому что русские стали на них жаловаться, мол, цыгане хулиганят, воруют сено, – и табор разъехался куда глаза глядят.

Некоторые обосновались в местечке Авдотьино (это случилось в 1968 году, основание табора), а один цыган выделился, купил отдельный дом и стал жить не в таборе. Это у котляров вообще-то не принято, но он так поступил – и далее рассказ о его младшем сыне, вернувшемся в табор спустя много лет.

Зовут его Олег. Сейчас ему за сорок, и он меня встречает, чтоб подбросить до табора, на пижонской белой «Волге» со сломанной магнитолой.

3

Судьба у Олега для котляра нетипичная – он даже в цирке успел поработать силовым жонглером, о чем свидетельствует соответствующая запись в его трудовой книжке, потрепанной и заполненной на два десятка страниц.

Вырос Олег не в таборе, но семья была цыганская, и бабушка часто брала его гадать. Ребенку это нравилось – они ехали в центр (на проспект Ленина, к кинотеатру «Центральный»), гуляли, разговаривали, наблюдали любопытные сценки из жизни, подмечали смешное и остерегались плохого.

Когда бабушке удавалось «немножко нагадать», она покупала конфеты или мороженое, и они шли в кино. Внук искренне считал, что деньги они с бабушкой заработали пополам, потому что он тоже при этом присутствовал.

Жили они рядом с ДК железнодорожников, при котором находилась цирковая секция, и летом дети из этой секции занимались на улице. Олег каждый день приходил к забору и с тоскливой завистью смотрел за занятиями. Тренер это подметил, подошел к нему незаметно и спросил строгим голосом:

– Ты чего тут делаешь?

– Ничего. Смотрю, – испугался мальчик.

– Нечего смотреть! Завтра приходи к нам тренироваться!

Олег обомлел – ведь у него даже обуви нужной не было (а у родителей не попросишь – «какой такой цирк?», все равно не купят), и в первый раз в тренировочный зал он зашел босой, жутко стесняясь своего положения. Кто-то, может, и посмеялся, но тренер поставил цыганского мальчишку в ряд, и тот занимался наравне со всеми.

Потом родители купили ему обувь, и так Олег попал в особый мир цирка, потому что циркачи – отдельная каста, и мы об их жизни часто знаем не больше, чем о жизни цыган.

Несмотря на покупку, папа и мама к увлечению сына относились несерьезно – они в этом видели лишь полезное развлечение, – а лодырей в доме у Олега не жаловали.

– Я начал работать с четырнадцати лет. Пошел на Дзержинку, была такая фабрика – ткацко-прядельная, два года отработал, потом была такая трудкоммуна, детскую обувь делали – я каблуками занимался. У меня был специальный станок, я на нем штамповал. Ботинки шли по конвейеру, а я не успевал – меня там сначала ботинками заваливало, а один дед смеялся, он меня научил, что нужно делать, чтобы все успевать. Потом нас от фабрики направили на картошку. Знаете, раньше от работы посылали? На тракторе мешками мы собирали картошку, деньги были с Лениным: рубли, копейки, – но мы получили по двенадцать рублей! Для ребенка это была огромная сумма, потому что взрослые тогда получали по семьдесят–восемьдесят рублей за месяц.

– На что потратил свой первый заработок?

– Я купил мопед! Двухскоростной! Жили мы не в таборе – я вырос с русскими, у нас был отдельный дом, все соседи были русские, у них были мопеды, а мне было в зависть. Естественно, на первые деньги я купил себе мопед. Потом его продал – детство прошло, я пошел в армию...

– Ты и в армии служил?!

– А как же! Два года отдал России. Город Саратов.

– А из этого табора, кроме тебя, еще кто-нибудь служил?

– Никто не служил. Я единственный такой! – говорит Олег с удовольствием. – Из армии вернулся – устроился в цирк и ездил на гастроли в Москву, Ярославль, в другие города. У меня был номер – силовой жонглер гириами.

– А сколько тягал?

– У меня в воздухе летало шестьдесят четыре килограмма – по шестнадцать кэгэ гиря, четыре штуки, – вспоминает цыган.

Но Союз развалился, артистам цирка платили мало, а Олег к тому времени обзавелся семьей – женился на русской («Жил бы я в таборе – мне б цыганку подсунули»). Семья требовала денег, а с концерта давали по десять рублей, при этом концерты проходили редко и нерегулярно.

Олег попробовал себя в качестве гитариста – играл на танцплощадках в ансамблях «Молодость» и «Верный путь», известных в Иваново, познакомился с солистами популярной в будущем «Дискотеки „Авария“», но живая музыка в городе умерла – так же как и цирк, на рубеже 1990-х. Олег толкнулся туда, толкнулся сюда, а потом волей случая попал в водители маршрутного такси, и на этом поприще он задержался. Уже больше десяти лет он крутит баранку, но машина не своя, работает на хозяина. А когда-то был артистом – оркестр, сцена, костюм был с блестками!..

Я его спрашиваю:

– Олег, не царапает что-то внутри, что ушел из цирка?

– Конечно, царапает. Некоторые из тех, с которыми я начинал, стали популярными, работают по записи – за границей, в Японии, – им за выступление дают по двести долларов. Еще бы не царапало! Здесь таких денег не заработаешь. Это, конечно, немножко больно.

Вот оно, цыганское, – в первую очередь настоящий цыган думает не о романтике путешествий, а об упущенных деньгах. Во сне он видит не сказочные дали, а ведро с золотом, которое он нашел и надежно спрятал.

Пока мы разговариваем, жена Олега рубит мясо на полу – на ней нет ни золота, ни других нарядных цыганских украшений: худенькая, неприметная женщина с усталым лицом. Гадать она умеет, но к вокзалу не ходит – муж обеспечивает, они не нуждаются.

В доме бедно, но прибрано – нехитрый скарб, мебель, которую не жалко бросить и нажать такую же на новом месте. На диване развалился плюшевый медведь.

Жена Олега – Люба – ведет себя скромно. Пока в доме чужой, она как невидимка. Следит за ребенком, чтобы тот не раскапризничался, жарит картошку.

С русской женой Олег давно развелся, а Любу привез из табора в Чудове (Новгородская область). Когда-то он был состоятельным человеком, дельным и оборотистым, но обанкротился на бизнесе, возвратился к своим, сосватал себе женщину не первой молодости и теперь живет с ней в такой же хибаре, как и все остальные, с тем только отличием, что в подсобке у Олега оборудован душ, а под окнами красуется белая «Волга».

Тут он отчасти первый парень на деревне. Занять сто рублей – все идут к Олегу, инструмент позаимствовать: молоток, клещи, – опять к Олегу. Он себя понимает, у него ум расторопный, но не всем это нравится и не всем это понятно. Была бы возможность, Олег бы отсюда давно свалил – тяжело жить с дураками, возникают проблемы, – но и драмы особой он из своей жизни не делает. Джоник, барон, – его старший брат, и влияние их семьи здесь достаточно весомо, чтобы предотвратить решительные конфликты. И блатных Олег знает (русских блатных), и в таборе все помнят, что когда-то у него в воздухе летало четыре гири по шестнадцать килограмм. Весьма возможно, кто-то из местных даже познакомился с его кулаками, и именно поэтому в дом к «огурцам» (клан крестовцево) Олегу вход заказан – даже на праздники, когда у котляров положено обходить все таборные дома и поздравлять хозяев, он к ним не ходит. И они к нему не ходят. А белая «Волга», которую «огурцы» ежедневно наблюдают из окна своего дома, им как бельмо на глазу! Один из «огурцов» так всем завидовал, что даже окривел. Я с ним познакомился – тип неприятный, жирный и грубый, похож на борова, но когда он поет – это что-то медовое, голос у него течет мягкий и густой, – это так не вяжется с его отталкивающей внешностью, что диву даешься.

4

Цыганское гадание – предмет многих споров.

Большинство фактов говорит за то, что это чистой воды шарлатанство, однако даже самые рационалистически мыслящие и не склонные к мистике исследователи и этнографы признают, что были случаи, наукой не объяснимые.

Я ни разу с такими случаями не сталкивался, но вопрос остается открытым.

Спрашиваю у Олега, как сами цыгане относятся к тому, что некоторые их женщины способны видеть будущее.

– Есть такие женщины, – отвечает он важно, заранее зная, что тут нужно рассказывать, чтобы не разочаровать русского собеседника. – Из тысячи – одна!

– Ванга, – смеясь, подсказывает Люба.

Уж она-то получше разбирается в гадании!

Но Олегу, конечно, удобней сделать вид, что он ее не слышит.

– У меня бабушка, царство ей небесное, была такая, – продолжает Олег. – К ней черные «Волги» обкомовские приезжали! Вот она гадала – у нее была книга, она брала эту книгу, набирала из ведерка стакан воды – обычную воду, простую, питьевую, – что-то над ней говорила, и вода в стакане начинала кипеть! Как? Из ведерка была обычная вода!

– Антигриппин туда бросила, – замечает Люба.

Видимо, не такая уж она и невидимка!

Но Олег категорически не согласен с женой и всем своим видом хочет показать, что близорный скептицизм тут неуместен:

– Какой еще антигриппин? Тогда не было антигриппина. Или вот она делала – говорила женщине: «Принеси мне иголку – если на тебе есть порча, иголка почернеет». Женщина приносила из дома иголку, бабушка брала ее в руки, смотрела, говорила заклинания, и иголка чернела!

По этому поводу у Любы нет желания высказываться, и Олег, ободренный, завершает торжественно и с гордостью за бабушку:

– Она знала человека наизусть! Она могла приворожить!

Мне интересно:

– Откуда у нее был такой дар?

– Я этого не знаю. Могу предположить. У нее была книга. Она никому не говорила, откуда эта книга у нее появилась. Потом, когда бабушка умерла, книга исчезла неизвестно куда. Мы были детьми. Бабушка хотела передать ее матери, мать побоялась взять эту книгу – мать у меня не гадала, – и куда книга ушла, неизвестно.

Эффектная история. Тут можно воскликнуть: «Сколько всего таинственного кроется под поверхностью жизни! Сколько неведомых и удивительных загадок у нее в закромах!» – однако даже в интернете есть ответ на вопрос, как бабушка Олега совершала свои чудеса. Опыт – самый простой, его даже школьникам рекомендуют проводить:

«Нам понадобятся: плотный носовой платок, стакан воды, пластиковая миска, аптечная резинка. Намочите и выжмите носовой платок. Налейте полный стакан холодной воды. Накройте стакан платком и закрепите его на стакане аптечной резинкой. Продавите пальцем середину платка так, чтобы он на 2–3 см погрузился в воду. Переверните стакан над миской вверх дном. Одной рукой держите стакан, другой слегка ударяйте по его дну. Вода в стакане начинает бурлить („кипит“). Мокрый платок не пропускает воду. Когда мы ударяем по стакану, в нем образуется вакуум, и воздух через носовой платок начинает поступать в воду, всасываемый вакуумом. Вот эти-то пузырьки воздуха и создают впечатление, что вода „кипит“».

Фокус с иголкой, чернеющей от сглаза (болезни, порчи, опасности, измены – всего, чем можно припугнуть клиента), объясняется тем, что перед сеансом гадалка натирает пальцы медным купоросом. Попад к ней в руки, иголка темнеет от тепла человеческой кожи и трения – химическая реакция, сто раз описанная в том же интернете. Но цыганки до сих пор свято верят, что подобные секреты принадлежат только им, и будут хранить их как зеницу ока и нести любую чушь – лишь бы не выдать.

– А цыганки гадают одним только русским или и цыганам тоже?

– Только русским. Цыганам не гадают, потому что боятся предсказать судьбу, это очень опасно.

– Из-за чего?

– Ну вот скажет одна бабушка про порчу наведенную, что вот тот тебя сглазил. Тот пойдет разбираться, пойдет ругаться к тому цыгану: «Ты что мне сделал?!» – «А кто тебе сказал?» – «А вон та бабушка», – и сразу вражда, разговор, скандал. Никому это не надо.

В цыганском сознании можно четко выделить два вида колдовства – они в нем существуют абсолютно параллельно, не пересекаясь друг с другом: одно – для чужаков, «гажей» (это чистый заработок, обман, профессия), а другое – натуральное, заложенное в природе, и с ним лучше не связываться, держаться подальше, не лезть, не совать пальцы в мясорубку.

По некоторым легендам, такое колдовство принадлежит мертвым.

5

Понедельник после Пасхи.

В церковь на Лежневской приехали молдавские цыгане-котляры из всех окрестных ивановских таборов: Панеева, Горина, Дегтярева, Авдотьиная. Многие в пиджаках и нарядных рубашках.

Согласно традиции, в этот понедельник котляры крестят детей – всех, кто родился за прошедшую зиму и начало весны. «У нас такой обычай уже много тысяч лет», – поясняет Юра.

К авдотьиным собратьям другие котляры относятся свысока и не очень-то роднятся – те для них голые, шантрапа, неудачники, но никто не ссорится, не задирается и не говорит друг другу резких слов. Пасха для котляров – святой и светлый праздник, однако и православие у них свое: с цыганским уклоном и неожиданными апокрифами.

«Когда в Иерусалиме взяли Иисуса, было четыре гвоздя: два в руки ему должны были вбить, один в ноги на скрещение, и четвертый был гвоздь, чтобы вбить ему в сердце. И когда это увидели – все происходило на площади, – мать цыганенку сказала: „Иди и укради этот гвоздь! Я не знаю: может, ты попадешься, может, тебя схватят, но это надо сделать“. Ты понимаешь? Она рискнула своим сыном, потому что это был Иисус, святой человек. Она сказала: „Иди и укради этот гвоздь“, и в сердце ему этот гвоздь не вбили – вбили только в руки и в ноги. И когда Иисус воскрес, Он сказал, что цыгане пускай живут – всю жизнь, всю вечность, – и Я им разрешаю: как они воровали, так пускай воруют, никакого наказания за это им не будет, потому что цыганенок украл у палача гвоздь».

Крестины закончились – у церковных ворот стреляют шампанским, из салонов автомобилей звучит цыганская музыка, кто-то приплясывает.

Возвращаемся в Авдотьино. Поздний апрель, и по табору не пройти – он на этой неделе превратился в болото! Гостям на входе надо выдавать ходули или охотничьи сапоги. Дети, забравшиеся на кучу песка, рубероида и бревен, возвышающуюся над грязью, чувствуют себя как жертвы кораблекрушения, вынесенные на остров, но детям все забава! Чумазные и шумные, они бегают и скачут, как все дети на свете.

От дома к дому настелены гати – фанерки и доски, куски ДСП, – но это бесполезно: все равно утонешь, рано или поздно эта гать кончается, и последние три метра до собственного

дома цыган преодолевает с решимостью вездехода. Привезти щебенки, обустроить территорию – на все нужны деньги, а цыгане жмутся. Им проще дожидаться, когда все растает и высохнет бесплатно, само собой. Слово «субботник» на цыганский язык не переводится (как и слово «Родина»).

В домах красуются накрытые столы. Обычай требует, чтобы мужчины обошли в этот день все дома и семьи, живущие в таборе, и поздравили хозяев. Родители новоокрещенных детей дарят крестным отцам небольшие подарки – майки, рубашки в таком количестве, что за десять лет не сносишь, а крестный отец обязан подарить крестнику что-то от себя, а когда тому исполнится лет тринадцать–пятнадцать, крестный отец его должен женить.

– Он идет уже сватом, ищет невесту и женит его, – рассказывает Слава, аккордеонист с «косолопой душой» и такой же косолопой музыкой и песнями. Зажигательные, летучие балканские мелодии ему не даются – пальцы огрубели и потеряли ловкость.

Когда Слава говорит, то сами цыгане не всегда понимают, что он бормочет. Создается впечатление, что рядом с вами стрекочет низким тембром огромный жук.

Обход продолжается. Женщины и дети кричат: «Ура!» или «Караул!», но это от радости.

Еще по пятьдесят – и появляется гитара. Она – с пробойной. «Это после боя!» – похваляются цыгане. Интересно узнать: орудием защиты или нападения послужил инструмент?

Мужики за столом поют натужными грудными голосами «Загэйом мэ ко рома» и «Калинушка, прими». Сверху на них смотрят «Незнакомка» Крамского и «Всадница» Брюллова. Колоритная бабушка с необъятной фигурой цыганской матроны водрузилась на стул, ножки у которого не толще макаронины и вот-вот подломятся. Но бабушка заслушалась, утирает глаза платком и не чувствует опасности. Правой рукой она опирается на клюку, а бордовая косынка, повязанная вокруг головы, делает ее похожей на атаманшу пиратов. Круглое лицо с глубокими подглазниками выражает мужественный и властный характер.

А куда делся Джоник? Уже два часа дня, а он все храпит – после вчерашнего; так Пасху отметил, что никак не встанет. Иисус воскрес, а барон наоборот!

Существует миф, что цыганский барон командует всеми своими цыганами, как ротой солдат, но это не так.

Я спрашиваю у них:

– Чем барон отличается от вас?

– Я тебе объясню, как это объясняется: вот я простой цыган, у меня нет связей ни в правительстве, ни в милиции, – к кому я там пойду? А барон идет в администрацию, договаривается о земле, чтобы мы здесь поселились, чтобы свет нам провели, чтоб не прогоняли. Если забрали, допустим, моего сына, – ну не сына, племянника! – спохватывается рассказчик, – барон идет в милицию, его уже там знают как нашего барона, он поручается за этого человека, и его отпускают. Если у меня, к примеру, беда, я иду к барону – нужно такую-то сумму, вытащить того-то, попал мой родственник. Барон это все решает. Он идет по табору – у кого сто рублей возьмет, у кого пятьдесят. Он соберет эту сумму и заплатит.

– Как человек становится бароном?

– Ну вот приезжает первый раз милиция в табор, никто не выходит, все боятся: милиция приехала! Все прячутся по домам, запираются. Выходит, естественно, тот человек, который посмелее: «Ребята, в чем дело?» Он договаривается, знакомится, идет туда-туда-туда, уже все – на следующий день его выбирают бароном. Людям видно – все спрятались, как курицы, а он один вышел, один разговаривал, не испугался, и за это его табор выбирает бароном.

– Выходит, бароном быть и почетно, и хлопотно.

– Хлопотно, да. Любые проблемы решает барон. Из других таборов приходят к нашему барону – помощи просят: «Помоги, пожалуйста, наших цыган забрали». А он решает эти вопросы, потому что у него какие-то каналы есть в милиции. Он звонит начальнику, такому-то: «Слушай, моих забрали, они не виноваты – их надо выпустить». Наши цыганки ходят на

вокзал гадать, их забирают, но они не виноваты. Барон идет: «Мои не виноваты. Я голову даю на отсечение, что мои там не были, когда что-то произошло».

6

Гать под ногами хлюпает и чавкает. Праздничный обход направляется к «огурцам». У дверей лает пес.

Вопреки ожиданиям, «огурцы» в этот раз пригласили Олега, хотя у них контры и они не разговаривают. Конец вражде? Ничего подобного. Просто эти люди решили выпендриться и показать всему табору, какие они, «огурцы», великодушные и мелкие счеты ничего для них не значат – укус комарика! А может, помириться сейчас показалось выгодно.

Песня льется медом.

*Кони мчатся, как ночные рысаки,
Я бы тропы не сменял на большаки,
И мэ² когда-нибудь оставлю все дела
И куплю билет до дальнего села.*

Вообще-то на празднике должны были присутствовать русские музыканты со своей аппаратурой и инструментами (цыганам важнее именно инструменты, микрофон, усилитель; сыграют они сами), но в прошлый раз музыкантов здесь обманули и заплатили только половину гонорара. Музыканты рассердились, и голыми обещаниями их в этот табор больше не заманишь: они цыганам не верят, и получается, что цыгане в конечном счете скорее потеряли, чем выиграли что-то на своем обмане. Жадным быть плохо, но такой они народ – мгновенные резоны и сиюминутные порывы для них значат больше, чем стабильность и основательность. Их расчетливость и сообразительность – беззаботная и быстрая: схватил и потащил, – а что будет дальше, то богу ведомо.

Я занят разговором. Мне отвечают сразу четыре или пять человек, перебивая друг друга – или помогая друг другу? – то один вперед вырвется, то другой его обгонит. Чесать языками они умеют!

– Подпольного бизнеса в таборе нет! – утверждает Юра (это про наркотики).

– Если в таборе узнают, что кто-то чего-то, – Артур жестом показывает, что колет себе вену, – он будет наказан цыганским народом! Выгоняем из табора! Он нам не нужен!

– Он здесь чужой! – подхватывает третий. – Зачем нам проблемы? Мы люди мирные, а если он колется, к нему придут товарищи, будут шуметь... Нам это запрещено, по-нашему запрещено!

И это не обман.

Торговля наркотиками приобрела цыганский оттенок в основном благодаря цыганам-ловарям, а потом подхватили русска рома (так называемые русские цыгане). Котляры в ней не участвуют, и о фактах сбыта наркотиков в авдотыинском таборе мне неизвестно, хотя наркоманы в таборе имеются, про них так и говорят: «Вот дом наркоманский», – или: «Гляди – наркоманы пошли» (с оттенком брезгливости).

Был такой Томато – молодой человек и темная личность, он жил в этом таборе и плохо себя вел, «каждый праздник портил – безобразничал, дрался». Два месяца назад ему люди сказали: «Уезжай куда хочешь». Община не вытерпела, и Томато уехал. На видеозаписи я мельком видел, как он танцует – лихой и красивый. А характером – подлец. Из скольких же противоречий состоит человек!

---

² Мэ – я (цыганск.).

Мы все идем к Юре, поздравляем Юру. Маленькая девочка протягивает хозяину бутылку пива, обернутую полотенцем. Юра ей дарит пасхальное яичко. Обстановка в домах нищая, но современные телевизоры с плоским экраном, а также дивиди есть почти у каждого. Я забыл упомянуть, что цыганам все-таки удалось договориться насчет электричества и в табор дали свет.

Разговор возобновляется:

– А откуда у вас деньги?

– Летом зарабатываем тем, что ездим, собираем черный металл – стучимся в двери в частном секторе, спрашиваем старые холодильники, газовые плиты, старые трубы, которые негодны уже к работе. Люди нам их либо отдают бесплатно, либо за небольшую плату с тем условием, что и мы тоже могли бы на них что-то заработать. Но это сезон, это летом мы работаем. Зимой очень трудно черметом заниматься – он под снегом, замерз. Поэтому зимой мы работаем в такси.

– Летом еще дачи объезжаем, расспрашиваем – кому фундамент, кому сарайку надо построить, кому крышу покрыть. На прошлой неделе дали нам на «Текстиль-Профи» серьезный объект – дом десять на семнадцать, и мы вчетвером его разобрали за восемь дней. Все сыты, довольны, детей накормили.

Котляры деньги любят и работы не чужаются, но уровень жизни в таборе очень низкий. Сказывается общая неорганизованность, безалаберность и то, что Булгаков называл «разрухой в головах». Традиционная цыганская культура стремительно отмирает, а нормы цивилизации не делают табор лучше. Из хороших цыган получаются дурни без национальности.

Как я уже писал, котляры в Авдотьино – с 1968 года. Они были первые представители этой цыганской нации, построившие здесь дома, и, казалось бы, именно им должны были достаться самые жирные и лакомые куски, однако если они что-то и заработали, то ничего у них не удержалось. Табор идет ко дну – как в материальном, так и в духовном плане. Здесь много ограниченных, недалеких личностей, которые уступают в развитии другим таким же котлярам-молдаванам, известным мне по Горину (табор немцони) или Панееву (табор мустафони).

В авдотьинском поселке маргинальная часть составляет большинство – хулиганы, пьяницы, при случае – ворье, мелкие прощелыги. На крупных аферистов они не тянут – мозгов не хватает и духом слабы, нет в них замаха на большие дела. Люди здесь не дружат и не уважают друг друга, а скорее терпят, разбиваясь на кучки. Они внутренне созрели, чтобы расколоться и жить не традицией, не цыганским законом, а от балды, как получается, сползать и деградировать.

...Когда Джоник проснулся, первое, что он сделал, – подрался с братом. Как это водится, из-за пустяка. Вчерашний алкоголь отравил им головы. Они сцепились прямо на улице, как два медведя, готовые изрядно потрепать друг друга. Пошли в ход кулаки, сапоги месили грязь, из-под ног летели брызги – это было похоже на картину Гойи с дерущимися на пустыре пастухами. Пес по кличке Мальчик рвался с поводка и ругался их басом настоящего мужчины.

Если Олег действительно желает добра своему сыну, которого в этот день крестили на Лежневской, он должен сделать все, чтобы сын рос отдельно от этого сборища – в другой обстановке и другой среде. В подобных трущобах жить темно и страшно, стоит постараться, чтобы вынырнуть оттуда – не в сказки Лотяну, а в мир вменяемых, добрых отношений, осмысленного труда и радости жизни.

«АХ, ЖАРКИ-ЖАРКИ...»

1

Бывают в жизни небольшие или почти совсем эпизодические встречи, события, которые почему-то вспоминаешь и год спустя, и два, и потом еще не раз к ним возвращаешься и прокручиваешь в памяти при различных обстоятельствах, а они все никак не теряют актуальности, как будто находишь в них некое важное для себя обобщение или акцент.

Одним из таких событий стала для меня встреча с отцом Виктором Салтыковым, главным героем документального фильма «Русский заповедник», протоиереем и настоятелем православного прихода в деревне Жарки Юрьевоцкого района Ивановской области.

Место глухое, от шоссе отдаленное, рейсовый автобус туда не ходит, – действительно, «заповедник» у черта на куличках, однако отец Виктор – такой человек, с которым хотел познакомиться сам Эмир Кустурица, но по стечению обстоятельств они разминулись, а мне повезло, я с отцом Виктором все-таки встретился и даже побывал у него в гостях.

Здесь собрано то, что сохранили память и записная книжка.

2

«Я не верю в православие, я верю в человека, его масштаб и возможности» – такими торжественными и отчасти самонадеянными словами я начал свою статью об отце Викторе, но тот, прочитав, сделал замечание, не споря и не критикуя, а призывая к размышлению:

– Для меня ваша фраза звучит как «я рыба, но мне не нужна вода», – произнес отец Виктор.

И я задумался.

Многие его мысли заставляли задуматься – не закрывали горизонт категоричностью истины, а давали старт, подводили к возможности собственных суждений, открывали простор, учили самостоятельности.

3

Про Виктора Салтыкова я узнал из вышеупомянутого документального фильма, снятого режиссером Валерием Тимошенко.

– Ах, Жарки-Жарки, – пела в кадре маленькая девочка, едущая в телеге по тряской дороге. Из названия родной деревни она сделала песню так же легко, как заплела бы венок или покормила бы гусей.

Настроенный скептически по отношению к официальному православию, я начал смотреть фильм, полагая, что душеспасительные беседы и назидательные истории о «рабах божиих» мне скоро надоедят, как сладкий сироп, однако с удивлением и вниманием досмотрел до конца.

«Не надо спасать человечество – надо спасать себя», «безнравственная жизнь карается безумием», – в шлейфе этих формулировок отца Виктора я находился довольно долго. Они во мне аюкались, как кони в горах – один встревоженно фыркнет из кедрача на склоне, а где-то от ручья ему ответит другой, и снова разливается безбрежная ночная тишина, к которой прислушиваешься, лежа в палатке, кутаясь в спальник...

4

До развала СССР Виктор Салтыков работал лесничим на Северном Кавказе.

«Бракоши там были один хуже другого – мы их ловили, они от нас отстреливались. У меня жизнь была как в американском вестерне – с погонями, засадами. А так мы, Салтыковы, – из кубанских казаков, род наш – казачий», – вспоминает отец Виктор.

О воцерковлении тогда не было и речи. Будущий священник увлекался йогой, восточными доктринами, изучал китайскую и японскую поэзию, сам пробовал сочинять в том же роде, медитировал на кромке каменистых обрывов, знал все тропинки, каждого охотника, пускал в седловину удалую лошадку...

Природа ему заменяла Бога. Он тогда поддерживал зарождавшееся в нашей стране экологическое движение, которое в конце восьмидесятых, по его выражению, было «целомудренным».

– А потом в моей жизни наступил перелом. Я понял, что человек, который ставит очистительные фильтры на заводах и предприятиях, – он не эколог, потому что тем самым он поддерживает режим, сам принцип существования этой системы. У меня был серьезный мировоззренческий кризис. Мы как сотрудники заповедника должны были отчитываться за потраченные патроны, и я, помню, сел, записал в тетрадь: «Затрачен патрон (одна штука) на отстрел лесничего (одна штука)». Потом думаю – нет, стреляться негоже... А я знал место, где точно бракоши будут, и даже знал примерно, когда они могут там оказаться. Решил – поеду и подвернусь под пулю, была ни была, но Бог не допустил. Я нашел в себе силы побороть свою слабость и стал священником, нашел себя в этом.

В сорок два года, на пике формы – вроде самая зрелость, – продолжает отец Виктор, – я думал, что моя жизнь закончена, а оказалось, она еще даже и не начиналась. Я раньше читал поэзию, классическую литературу, а теперь беру только духовные книги.

– И стихов не пишете?

– «Я бессловесен», – улыбнулся священник, ответив строчкой одного из прошлых своих стихотворений, написанного в жанре китайской лирики. – Зачем баян, когда есть кадило?

5

Редкое дело – сколько я ни общался с отцом Виктором, в его нравоучительных суждениях мне не было тесно, потому что за ними я видел не догму, а живое размышление, опыт и чувство. В них не было отвлеченности и дешевой однозначности, которые обычно больше всего и отталкивают в подобного рода сентенциях.

Да и я, видать, «соспел», чтобы их воспринять не как что-то голословное и умозрительно-моралистическое, а несколько иначе. Поэтому и фильм пересматривал дважды, до финальных титров.

От «Русского заповедника» веет восторженностью, легкой эйфорией оттого, что Жарки – обедневшая, малолюдная, потихоньку вымирающая русская деревня – за счет ежедневно прикладываемых к ней усилий на глазах превращается в Ноев ковчег, спасательный круг для своих обитателей, спивающихся и деградирующих; и это – целое поприще, благородное, хлопотное, необходимое дело.

Фильм – о Возрождении.

Отец Виктор в нем показан как универсальный солдат: он и на лошади скачет, и правит двухколесной кибиткой, прыгающей по ухабам (кибитка сломалась – отец Виктор ее отремонтировал при помощи мотка проволоки), и в омут ныряет и плавает под водой с картинно-раз-

вевающейся гривой седых волос – внушительный и красивый, как Речной Царь (чуть было не написал о православном священнике – как Водяной).

6

Деревня Жарки – это с десяток домов (электричество есть, газа нет), церковка с белой колокольней, около храма – тенистый погост за деревянной оградой, два трактора, пять лошадей (недавно прибавились двое жеребят), теплица, пасека; летают ласточки, на столбах – скворечники...

Старушка сетует:

– Корова заболела – уколы ей надо в сосок вводить, а другая корова еле ноги передвигает – старая, как я... Три цыпленка сдохло.

Вот и все новости.

Магазина в деревне нет, и даже автолавка в Жарки не приезжает – грунтовка такая, что и в сухую погоду пробраться нелегко, а уж когда зарядят дожди...

Местные жители в прошлом году приступили к строительству бетонки до ближайшего шоссе, но уложенным плитам далеко до финиша.

Школа только в соседнем селе, и ту администрация собирается прикрыть, а ведь это катастрофа для подрастающих учеников – они останутся с формальным образованием. Что значит «формальное»? – дадут автобус, который будет с раннего утра курсировать от одной деревни к другой, собирать мальчишек и девчонок, везти их в какую-то общую школу, где они и сами начнут учиться для галочки, и учить их тоже будут для галочки, а кроме того, с закрытием местной школы дети лишаются возможности внеклассных занятий, кружков по увлечению...

То есть на бумаге у чиновников все будет аккуратно и чисто, а на деле вырастут новые варвары, которые потребуют лишь «хлеба и зрелищ». И так уже многие деревенские ребята – при живых родителях – взрослеют на положении полузаброшенных. От недосмотра. Есть такое удобное, обтекаемое слово.

Вот и конюшня от «недосмотра» сгорела, а скорее всего, там «культурно отдыхали». Запой в деревне, как пожар в степи (сравнение отца Виктора, видимо так и не распростившегося с поэтическим, творческим взглядом на жизнь и речь), – один сорвался и подрывает всех. Тут же рушится и весь круг его повседневных обязанностей, которые он должен исполнять по хозяйству, – скотина не кормлена, урожай гниет, крыльцо развалилось, крыша подтекает...

Церковный приход в подобной глуши – единственно возможный культурный центр, объединяющий людей на положительных началах (если батюшка, конечно, мудрый и дельный); без него население превратится в сброд.

И недаром в деревне церковь видно отовсюду – так и должно быть, чтобы она везде о себе напоминала. Идешь с рыбалки или грядку копаешь – поднимаешь глаза, а над кронами деревьев – купол и звонница, которую насквозь пронизывают стрижи. Бог выше людей.

А у нас в Иваново сколько храмов ни построили – разве их заметно? Кому нужен «гриб» на площади Революции, который вырос в десяти шагах от советского памятника борцам-знаменосцам? Ни горячо от него, ни холодно. Кого он вдохновляет?

Но вернемся в Жарки.

В семнадцатом веке, когда храма еще не существовало, мужики копали здешнее поле. Заступ наткнулся на что-то твердое. Стали смотреть – оказалось, что в земле лежит икона Казанской Божьей матери.

Крестьяне понесли ее в ближайшую церковь – показать благочинному, но глаза им застило, и неожиданно-негаданно они очутились на том же самом месте, где нашлась икона.

«Леший попутал», – мужики перекрестились и, бодрясь, отправились в намеченный путь – дорога была им отлично знакома.

Каково же было их изумление, когда они снова вернулись к вырытой ими яме!
И третья попытка не увенчалась успехом.

Поняли они, что это икона не хочет с места уходить, и основали там церковь.

Образ Казанской до сих пор в Жарках. Я видел ее потемневший лик, но ничем не проникся, ничего не услышал. Наверное, потому, что ни о чем и не спрашивал – зашел, как в музей, историческое сооружение, но храм – не витрина антикварных ценностей; это образ сердца, которое движется, потому что любит и к тому, что любит.

А я всегда любил окраинные миры, состояние переправы.

7

Разговор с отцом Виктором у меня получился непринужденный и сложный, несуетливый – как раз такой, которого, по-моему, сейчас остро не хватает на страницах ивановских газет и журналов и которого почему-то не могут предложить ни университетская, гуманитарная профессура, ни наши заслуженные деятели искусств, ни обычно болтливая провинциальная богема.

Все тонут в обстоятельствах, а отец Виктор – непотопляемый. Его на мякине не проведешь, но разумная непримиримость, подкрепленная действительной, а не «потемкинской» службой, не мешает ему быть миролюбивым и вдумчивым. Он борется «за», а не «в сторону» или «против». Духовное начальство из областной епархии предпочитает с ним не связываться.

– Вы приехали в Жарки двадцать лет назад, – спрашиваю я. – Что с тех пор изменилось? От фильма исходят самые светлые и радужные эмоции, которые испытывает режиссер, но сегодняшняя реальность, по-моему, противоречит настолько оптимистичному взгляду на ситуацию.

– Русская деревня умерла, – отвечает отец Виктор, – но как есть святость прижизненная, так есть и святость посмертная: мощи святых продолжают творить чудеса и по сей день, и русская деревня как ипостась святой Руси также способна и после своей смерти многое нам дать. Прежде всего, ощущение традиции, истории, нашего наследства, прикосновения к прошлому – ведь в мире происходят чудовищные изменения.

– Времена конца света? Наступил Апокалипсис?

– «Апокалипсис» переводится как «Откровение», его не надо бояться. Тот, кто будет иметь откровение, а не выдумку, не мечтательность, пусть даже опирающуюся на самые последние достижения науки и техники, тот и спасется.

– По поводу спасения – в России и в Иванове набирает популярность практика йоги. Как вы к ней относитесь?

– Йога – это духовное самоубийство.

– Значит, я уже целый год занимаюсь духовным самоубийством.

– Это нормально – метания влево-вправо никто не отменял, я сам в свое время этим увлекался. Йога опасна тем, что отменяет личность, существо человека. В йоге Абсолют связан с понятием нирваны, и надо признать, что небытие в нас заложено – Господь сделал нас из небытия, и йога расшелушивает нас обратно до него, до этой нирваны, отменяя тем самым весь смысл Рождения, нашего прихода в мир.

– А почему, на ваш взгляд, умерла русская деревня?

– Слишком быстрые и глобальные перемены произошли в мире. Русская деревня умерла, потому что не смогла стать другой. Сколько ни работай, сколько ни вкладывайся, нельзя соревноваться с ГМО. Нельзя соревноваться с тем набором развлечений, которые предлагает город. Люди из деревни бегут в города – потом возвращаются оттуда обезумевшие. Дом, обитый сайдингом, становится не домом, а чем-то другим, в нем живут по-другому. Все вокруг меняется. А святость не может стать чем-то другим, она неизменна – либо есть, либо нет.

8

Второй раз я приехал уже зимой, на рождественскую службу.

Перед избами красовались наряженные молодые елочки, принесенные из леса, и в церкви – елочка...

Полдвенадцатого ночи, а в натопленном храме продолжается исповедь, и здесь молиться будут без поблажек и сокращений до самого утра. Это и для молодых ног нешуточное испытание, а сколько отцу Виктору? Должно быть, к семидесяти.

И бабушки тоже – деревенские, сухонькие, кожа да кости, а стоят, не дрогнут; откуда силы берутся?

Молитвы затихают лишь в волнующей и зябкой предрассветной мгле. На улице мелкая сухая пороша, суставы затекли и язык не ворочается, но потихоньку «оттаиваешь» – бдения-то кончились!

Пора отдохнуть. Заходишь в трапезную, садишься на широкую деревянную скамью, вытягиваешь ноги. Подают тебе полную тарелку супа – густого, ароматного (он с пылу с жару, дымится, как кратер действующего вулкана), – или гречневую кашу с котлетами-великанами (втыкаешь в них вилку, как в бараний бок!) – и такая в душе радость, такое веселье, как будто и вправду Христос родился!

Воистину праздник! Любого атеиста проняло бы тем жареным-пареным духом.

А если, к примеру, всю ночь продрыхнуть или скоротать время с приятелями за бутылкой, разве будет так вкусно? Рождества не получится.

Все-таки наши предки складно придумали – устраивать после многочасового утомительного молебна пир на весь мир. Закусишь котлеткой, и все в порядке – хочется жить, бороться и чувствовать. Не зря молились!

Долгое время у меня было ощущение, что Христу пора на пенсию, что православие – религия пенсионеров, выбранный рудник (и пора искать новый!); что русской церкви не хватает подвижников, пассионариев – нет перед глазами примеров вменяемой, увлекательной деятельности с их стороны. Те факты, которые бытуют и известны, не вдохновляют. Сами священники сторонкой сетуют, что «семинария – источник порчи».

Виктор Салтыков и подобные ему батюшки, которые есть, и в России их немало, еще способны рассказать людям об истинном православии, которое радостно и удивительно и так же перевито с Деревом Жизни, как религия античной Греции или китайское Дао. Оно так же высвобождает из ипотеки цивилизации, которая отмеряет человеку только километры интернета и навесной потолок.

9

– Целомудрие восстанавливается, – сказал отец Виктор убежденно и прямо.

Про современное поколение у него мысли грустные:

– У молодых пропадает интерес к жизни, доверие к ней, особенно у мужчин, но и у женщин это начинает проявляться. Значит, совсем уже плохи дела, раз и женщины сдаются.

В заповеднике на Северном Кавказе, где отец Виктор служил лесничим, директором делался самый «гнилой бракош», которого не подвинешь, потому что у него связи и среди высокопоставленных чиновников, и среди бандитов.

Сами Жарки (при ближайшем рассмотрении) – совсем не тот патриархальный рай, который показан в фильме.

К церковной коновязи во время ночной службы подъехал патрульный милицейский уазик – в кабине темнели силуэты сотрудников. Выходить не спешили.

– Что-то случилось? – спросил я у одного из местных, кивая в сторону машины.

– Ничего не случилось.

– А эти чего приехали?

– Чтоб ничего не случилось, – прозвучал типично русский ответ.

– У меня такие тут есть орлы... – пояснил позже отец Виктор.

Но власть тут за ним – «орлы» пошумят, покричат между собой, но нарываться не станут.

Здесь батюшка правит, потому что за ним не вера даже, а естественный здравый смысл.

Он сам себя отчасти отлучил от мира в своем заповеднике, и, наверное, в городе помощь от него была бы большому числу людей, он больше бы сделал – трудно судить; чужая ноша всегда кажется легче.

«Ну что он... сбежал», – сказали мне однажды про отца Виктора, и я, признаться, не нашел что ответить.

Он выбрал жизнь там, в патриархальных Жарках, – нашел в них укрытие, где может быть полезным, сохраняя себя и свое представление о человечестве и вымирающих идеалах, житейски оправданных и высоких, строгих. Легко ли это?

Он терпеливый, мужественный труженик, и за печкой он не прячется – он сохраняет: как огонь в пещере. А на голом ветру пламя быстро растреплет и угли охладятся.

«Не надо спасать человечество – надо спасать себя».

Я шагал в Жарки летом – через поле с ромашками и васильками, не по асфальту – по грунтовой колее. Был самый разгар дня, донимали зной и жирные слепни, но было отрадно. Спрятался ли я в этот момент? Нет, я вырвался из своей городской тоски, из душевной тесноты навстречу запахам трав, голубому небу с пятнышками облаков, островам леса с земляникою по обочинам.

Прячется ли человек, который, возвратившись с работы, открывает дома книгу Лескова или Чехова? Кто-то, безусловно, использует и их, чтобы провалиться в виртуальный мир, подмену реальности, развлекает себя своей образованностью, а кто-то, напротив, подкрепляется за чтением в своей жажде деятельности, набирается силы, прикасается к огню... Ведь искусство – только порох, бензин, запал, а действие – в нас.

Как гвозди засело: «Целомудрие восстанавливается», «Зачем баян, когда есть кадило?».

И еще мне лестно, что отец Виктор – один из немногих людей, который оценил мои тогдашние рассказы («Плюшевый боец», «На своем месте»).

– Я сначала думал: по песку везешь, – отозвался он после прочтения, – а потом смотрю – нет, везешь, но взлетаешь.

А я ведь и пишу – лишь бы мне оторваться...

Зачем кадило, когда есть баян!

10

Осталось послесловие.

Жарки – сибирское название купальниц.

Рыже-огненные цветы я впервые увидел на склонах Алтая – в начале лета они попадались небольшими стайками, а к концу июня в горных долинах были целые луга, покрытые ими.

Лезешь по крутому, скалистому кулуару – кругом камни да камни, поднимаешься на перевал и смотришь по ту сторону, а там, внизу, тебя ожидает настоящее море жарков, и взгляд, уставший от напряженного восхождения в неприветливых, серых глыбах, внезапно отдыхает на ярких красках и ровной поверхности, открывающейся перед ним.

И особенно радует, что близко лагерь, друзья-товарищи, дымящийся костер... жарки...

Жарки!

КРАЕВЕД С САЧКОМ

Все меньше становится людей увлеченных, оригинальных. Ареал их распространения стремительно сокращается, популяция падает.

Александр Тихомиров – кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии ИвГУ, автор научной диссертации на тему «Функциональная морфология гениталий как основа для систематики совок и близких групп чешуекрылых». Основная его специальность – энтомология. Область научных интересов – лепидоптерология.

Однако популярность ему принесли вовсе не мотыльки и не бабочки, а телевизионный проект «Прогулки по Иванову», где Тихомиров выступил как историк и знаток архитектуры.

Наши краеведы (в большинстве своем) уже много лет пытаются нас уверить, что заниматься краеведением – значит быть занудой, и надо признать: многие из них в доказательствах этого весьма преуспели.

Александр Тихомиров убеждает в обратном.

Клянусь семейством чешуекрылых!

– Вас многие знают как знатока архитектуры, однако учились вы на биолога. Как произошла такая метаморфоза?

– Я учился в целевой аспирантуре по биологии в Ленинграде, а параллельно стал интересоваться городом, историей зданий. В Русском музее шел двухгодичный лекторий «История русской архитектуры». Вернувшись в Иваново, я подумал – надо и здесь что-то о городе почтить, а где почитать? – книжек-то не было, в архив не пускали. Вся информация крутилась вокруг Первого Совета. Экскурсии по городу заострялись на теме «Иваново – колыбель революции». Меня это не привлекало. Я начал по возможности изучать все сам, познакомился с местными краеведами. Очень подтолкнул скандал с домом на улице Красной армии в восемьдесят седьмом году.

– А что за скандал?

– Скандал был жуткий – на всю страну! Шумели и телевидение, и центральные журналы. Стоял угловой дом, где сейчас торговый центр «Воздвиженка», – двухэтажный, старинный, 1881 года. Руководство города решило его снести – по сути, незаконно. Дом проходил как памятник истории, стоял на учете, и, чтоб его сломать, требовалась официальная процедура, через Минкультуры, а тогдашний председатель горсовета был человек авторитарный. Он настоял: «Снести – и все», – хотя были встречи, протесты граждан. Вечером под шумок дом сломали. Люди возмутились, писали жалобы. «Прожектор перестройки» приезжал в Иваново, в прессе многократно обсуждали этот случай, и сам тогдашний председатель горсовета в конце концов признал, что он тогда был не прав.

– Покаялся?

– Ну захотелось ему доказать, что он все знает, все решает, а вокруг люди пятого сорта, ничего не понимают. После этого скандала в горкоме партии собрали на встречу краеведов, партийцев, – давайте, мол, не ругаться, а искать консенсус, работать конструктивно. Я тогда выступил, что все наши споры – довольно бессмысленные, о чем мы спорим? Информации нет никакой о городе. Сначала надо ее собрать, а потом уже спорить. Мне и говорят: «Раз вы предлагаете, вы и собирайте. Мы вам дадим направление в архив, подготовьте сведения обо всех объектах». Ну и пожалуйста. Дали мне направление, я стал ходить... И до сих пор хожу.

– Уже тридцать лет!

– Да, много удалось интересного открыть. В Ленинграде чего откроешь? Там все известно про каждый дом, а в Иваново никто ничего не знал.

– *Про наш город существует миф, что Иваново – это чертово болото, в котором все хорошее успешно погибает. Вы с этим согласны?*

– Наш город был успешный: в начале двадцатого века он по темпам роста и развития опережал Кострому и Владимир. В советское время наша промышленность тоже хорошо развивалась.

– *А сейчас все загнулось – и текстиль, и машиностроение.*

– Да, как-то странно.

– *«Чертово болото»?*

– Здесь до революции доминирующее место занимали фабрики, и промышленные темпы всерьез опережали возможности (а может, и желание) наш город благоустраивать. Были серьезные экологические проблемы – например, отсутствовал водопровод. Революция неслучайно началась именно в Иваново. Условия жизни были не ахти.

– *Есть у вас в Иваново любимые места?*

– Перекресток Ленина и Батурина. Фабричная архитектура – очень эффектная. Вообще город – нестандартный: у людей везде Кремль в центре, а у нас БИМ³ на его месте. Площадь Революции была очень красивая... до революции. На ней располагался храмовый комплекс, который потом взорвали, и теперь это самое несуразное место в Иваново – конгломерат разнородных сооружений, никак не увязанных между собой. Навтыкали одно, потом другое, ничего до конца не достроили.

– *«Чертово болото»?*

– Ну, мы как-то да... Город должен благоустраиваться, сохранять все лучшее, а у нас решения были всегда кардинальные – все снести, построить заново. Есть картинки, фотографии, нереализованные генпланы – если их посмотреть, ни одного здания не узнаешь, совершенная фантастика. Генплан шестьдесят восьмого года вообще предусматривал полный снос всего города. Согласно ему, в центре Иванова должна была находиться трехуровневая развязка – сверху пешеходы, под ними проносятся автомобили. У нас постоянно витали идеи сломать все вчистую и сделать по-новому. Понятно, что, если такой настрой, никто в благоустройство вкладываться не будет – все равно ведь сносить.

– *Это наш грозный, революционный дух!*

– Да. Ключев⁴, например, запрещал даже ремонтировать дома на проспекте Ленина: «Все равно их ломать – нечего тратить государственные деньги». Естественно, здания пришли в запустение.

– *Выходит, ивановцы всегда так свой город любили, что мечтали снести его под корень?*

– Сейчас ситуация немного меняется – краеведением интересуются, информация востребована.

– *А как вам памятник Ольге Генкиной на вокзальной площади?*

– Это не «Генкиной» – просто его так называют. Памятник Генкиной был у старого вокзала, потому что ее там убили; сейчас он утрачен. Нынешний монумент – собирательный образ молодых революционерок текстильного края. Его ставили, по-моему, к шестидесятилетию революции. Не очень мне понятно, что это за женщина, – шарф в одну сторону развешивается, волосы в другую. Ведь такого быть не может! Тогда таких людей романтизировали, а сейчас если вдуматься – в городе неспокойно, какая-то женщина нелегально привозит десять пистолетов и к ним триста патронов; ведь патроны, наверно, не чтобы поиграться, а чтобы стрелять!.. Кто она такая? Как ее воспринимать? Террористка приехала! В наши дни подобным образом поступают исламские боевики. Подвиг своеобразный... Так же как у Морозова, который по кличке Ермак и которого избили на улице Ермака.

---

³ БИМ – Большая ивановская мануфактура; в настоящее время цеха разорены, производство остановлено.

⁴ Глава ивановского обкома партии в 1980-х годах.

– *Об этом я не слышал.*

– Там, где сейчас госуниверситет, избили Ермака – революционера Морозова. Он был психически не совсем нормальный. Шел крестный ход, рабочие несли иконы и портреты царя. Морозову кто-то сказал: «Шапку сними», а он вместо этого выхватил пистолет и выстрелил по портрету царя, а попал в шею того человека, который его нес, – убил насмерть. Рабочие подбежали. Морозов хотел скрыться, стрелял по пути в какого-то лавочника, который пытался его остановить, но его догнали – тоже чуть не убили. Полиция отбила революционера от толпы, прекратила безобразие, но он все равно недолго протянул – сложил голову в Москве во время революционных действий 1917 года.

– *Так, может, и хорошо, что люди думают, что улица названа в честь Ермака – покорителя Сибири.*

– С современной точки зрения все эти герои уже видятся другими.

– *А есть в Иванове свой «дом с привидениями»?*

– Замок Дюрингера. Объект уникальный, но ему не повезло – такой капремонт сделали, что последнее загубили.

– *А привидение там чье? Самого Дюрингера?*

– Нет. Его жены, которая застрелилась из револьвера системы «браунинг». На почве ревности. Дюрингер был швейцарский подданный, но перешел в православие, в Иваново представлял фирму по торговле красителями. Как говорится, был он очень влюбчивый. А жена – гордая, простить не смогла. Он и сам умер весьма загадочно – от черной оспы. Это тоже надо было умудриться такую странную болезнь подхватить! Перед смертью Дюрингер жил в тайной комнате – у него было много детей, но их к отцу не пускали: боялись заразить. Его похоронили в закрытом гробу. И конечно, есть легенда о несметных сокровищах, подземных ходах, ведущих из замка.

– *Хочу вернуть беседу к вашей профессии – расскажите о бабочках, которые водятся в Ивановской области. Я – наверное, как и многие, – знаю только капустницу, крапивницу и лимонницу.*

– Ну что вы! У нас сто семь видов одних только дневных чешуекрылых. Сотни две с лишним пядениц, сотни три совок – тех, что ночью летают.

– *А редкости есть?*

– Знаменитый аполлон! Это большая бабочка – сантиметров восемь-девять в размахе, белая, полупрозрачная, с черными и ярко-красными пятнами. О ней сначала ходили слухи – москвичи рассказывали, что плыли на байдарках по Луху и где-то на берегу видели аполлонов. Мы им не очень верили, а потом студенты поймали несколько штук и привезли в университетскую коллекцию. Я сам их наблюдал в Пестяковском районе.

– *Как удалось найти?*

– Бабочка в одиночку жить не будет – это не леопард. Если бабочки водятся, их сразу много. Студенты заметили одно такое место, и я однажды отправился вместе с ними. Мы шли запутанными лесными тропами, вышли к реке Лух – моста не видно. Куда дальше? А дальше – раздеваться и на ту сторону. Кое-как перебрались, перенесли в руках одежду. Идем дальше – снова река! Студенты объясняют: «Здесь Лух петлю делает». Опять переправа. Идем, идем – часа через два пришли на место, и там действительно летали аполлоны. Самое смешное, что обратно добрались за десять минут и реку вообще ни разу не переходили. Так меня студенты разыграли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.